

КОНСТИТУЦИЯ БРЕЖНЕВА

В новой советской Конституции нет ничего нового. Над нею „проработали” почти два десятилетия (впервые о ней заговорил Хрущев в 1959 г. на XXI съезде). Работали, как говорил Л.Брежнев, „не спеша”. Работали главным образом ножницами и клеем — резали куски из хрущевской Программы партии и приклеивали их к кускам из сталинской Конституции. В результате, по выражению „Нойе цюрхер цайтунг”, — гора родила мышь! Новая Конституция, в плане юридическом, есть второе, ухудшенное издание старой. В плане политическом — она уточняет стратегические цели Кремля внутри и вне страны, чего намеренно избегал Сталин. Поэтому прав Брежнев, когда он сказал: „Конституция — это не только юридический акт, но и важнейший политический документ” („Правда”, 5.6.77). Еще вернее было бы сказать, что данная Конституция не столько юридический акт, сколько политический документ. Поэтому заниматься формально-юридическим анализом ее отдельных статей — бесцельное занятие, но вскрывать политический смысл юридических формулировок — дело стоящее. Постараемся это сделать.

1. Узаконение диктатуры партии

В своем докладе о проекте Конституции СССР Л.Брежнев заявил: „Работая над проектом, мы проч-

но стояли на почве преемственности. В нем сохранены и развиты намеченные еще Лениным характерные черты Конституции социалистического типа” („Правда”, 5.6.77). Обратимся к классическому определению сущности советской Конституции, которое дал сам Ленин: „...мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу” (Ленин, т. 31, 4-е изд., стр. 342). Когда Ленина обвинили, что у вас, таким образом, фактически нет ни „конституции”, ни даже „диктатуры пролетариата”, а есть диктатура одной партии, то он невозмутимо отвечал: „Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: „Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим, и с этой почвы сойти не можем” (Ленин, т. 24, 3-е изд., стр. 423).

Брежнев совершенно прав: новая Конституция СССР скрупулезно воспроизводит эти основополагающие идеи Ленина. Разница между Лениным и эпигонами сводится только к одному: гибкий тактик, Ленин предпочитал вуалировать диктатуру партии (партолигархии) ширмой Советов и поэтому в его двух конституциях (1918, 1924) нигде не присутствует партия как сила власти, а его наследники, сохраняя все еще ширму, открыто сообщают, что стоит за ширмой: абсолютная власть партии. Это и понятно. Ленин писал свои конституции — одну через три месяца после начала гражданской войны, когда вопрос быть или не быть диктатуре партии решался на поле сражения, а вторую — через три года после Кронштадтского восстания. До смерти напуганный не столько этим восстанием былой „красы и гордости” Октябрьского переворота — кронштадтских матросов, — сколько их заразительным для

массы лозунгом „За Советы без коммунистов”, Ленин писал, что Кронштадт опаснее Юденича, Колчака и Деникина вместе взятых. Поэтому мы находим в обеих ленинских конституциях куда больше демократии, чем в последней Конституции СССР. В то же время нет там ни одного слова о партии. Статья 1 Конституции 1918 г. гласит: „Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам”. Как бы для того, чтобы утаить от народа, что фактически государством будут управлять не Советы, а партия, Ленин подчеркивает в ст. 7: „Власть должна принадлежать целиком и исключительно... Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”. В ст. ст. 14, 15, 16 Конституция 1918 г. признает „в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений” — свободу слова, печати, собраний, демонстраций, объединений, организаций (не забудем, что партии меньшевиков и эсеров все еще существовали легально). Даже статья о свободе совести сформулирована в Конституции 1918 г. куда демократичнее, чем в Конституции 1977 г. В Конституции 1918 г. сказано: „Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами”, а в Конституции 1977 г. признается только право антирелигиозной пропаганды (ст. 52).

В Ленине удивительным образом уживался трезвый политик рядом с беспардонным фантазером. Ведь нельзя же объяснить лишь одной конъюнктурой, что в его Конституции 1918 г. попала и такая статья: „9. Основная задача РСФСР... уничтожение эксплуатации человека человеком и водворение социализма, при котором не будет ни деления на клас-

сы, ни государственной власти”. Сейчас в СССР „водворен”, по заявлению партийных теоретиков, не просто „социализм”, а „зрелый социализм”; по утверждению же Программы партии 1961 г., мы даже будем иметь в СССР в 1980 г. уже в основном построенный коммунизм, но государство и не собирается исчезать. Советское государство, наоборот, стало тоталитарным, почему оно себя, вероятно, и назвало „общенародным”. Фундамент этого советского тоталитаризма тоже был заложен Лениным. Именно Ленину принадлежит тоталитарная концепция „слияния властей” вместо теории „разделения властей” современного правового государства.

Величайшее изобретение человеческой правовой мысли — идея „разделения властей” — возникла еще у Аристотеля, но в стройную теорию она была превращена английским ученым Локком в конце XVII века и особенно французским ученым Монтескье в середине XVIII века. Согласно этому учению, верховная государственная власть — это не единое целое, не органический монолит, а сумма независимых друг от друга трех властей: законодательной (парламент), исполнительной (правительство) и правосудия (суд). Чтобы понять и правильно оценить глубочайший гуманистический смысл учения о „разделении властей”, достаточно бросить беглый взгляд на историю государственных образований хотя бы с начала христианского летоисчисления. Тогда мы увидим, что сосредоточение всей верховной власти в одном лице (диктатор), в одной клике (олигархия), в одном классе („диктатура пролетариата”) явилось основой безраздельного произвола бесчисленных тиранических систем, из которых господство абсолютных монархий даже было наименьшим злом, ибо оно опиралось все-таки на писанные зако-

ны. Барьером против возникновений новых тираний и было учение о „разделении властей”. Оно открыло и совершенно новую эпоху не только в истории государственной мысли, но и государственной практики в виде образования современных правовых демократических государств. Как раз это учение лежало в основе конституционных актов Великой Французской революции, как и Конституции 1787 г. в США. Сегодня уже все без исключения западные государства и их конституции основаны на концепции „разделения властей”. Исключение представляют собой восточные коммунистические государства, которые, согласно учению Ленина, вернулись к системе диктатуры, что требовало сосредоточения всей государственной власти в одном органе. Поэтому в Конституции 1918 г. записано (ст. 31): „Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов является высшим законодательным, исполнительным и контролирующим органом”. Так как всякий знает, что Верховный Совет (бывший ВЦИК) есть лишь псевдоним Политбюро ЦК КПСС, то Политбюро — одновременно законодатель, правитель, судья, плюс (поскольку мы живем не при ленинском нэпе, а при „зрелом социализме”) и единственный работодатель. Между тем, эта реальная, единственная и единая верховная власть Советского Союза даже не упомянута в новой Конституции. Зато отцы новой Конституции впервые в истории советского режима узаконили диктатуру партии, то есть того же Политбюро, в ст. 6, которая гласит:

„Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является КПСС... Коммунистическая Партия определяет

генеральную перспективу... Линию внутренней и внешней политики СССР...”

Если перевести этот партийный жаргон на человеческий язык, это значит, что в советском государстве законодательствует, управляет и контролирует партийная иерархия на любом уровне: в Москве — Политбюро и Секретариат ЦК КПСС, а на низах — их филиалы: центральные комитеты союзных республик, крайкомы, обкомы, горкомы, райкомы, парткомы. Так и надо было записать в новую Конституцию, отбросив никому не нужную и никого не обманывающую ширму Советов.

2. От федерации к интеграции

Российская империя представляла собою многонациональное государство. Ленин был, пожалуй, первым русским политиком, который понял, что русская империя, состоящая наполовину из нерусских народов, может быть спасена от судьбы всех бывших больших империй — от развала — при исключительно тонком подходе к так называемому национальному вопросу. Будучи великодержавником в прямом смысле этого слова, Ленин в политике выступал как убежденный интернационалист. Его интернационализм и был его тончайшей тактикой. Ею он мастерски воспользовался как в организации гибели старой Российской империи, так и в создании новой советской империи.

Вспомним хотя бы один разительный пример: гражданскую войну генерал Деникин вел под лозунгом „единой неделимой России”, а Ленин вел ее под лозунгом права всех нерусских народов, в том числе украинцев и белорусов, на выход из России. Деникин проиграл, Ленин выиграл, а Россия осталась

„единой и неделимой”. Но тот же Ленин учил, что захватить власть — дело относительно легкое, но удержать ее гораздо труднее, особенно в такой многонациональной стране, как Россия. Поэтому Ленин и разработал такую гибкую национальную политику, рецептам которой позавидовал бы сам Макиавелли.

Вспомним другой разительный пример: когда в 1922 г. подготавливалось объединение тогдашних четырех советских республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР) в единое федеративное государство, ЦК партии 24 сентября 1922 г., в отсутствие больного Ленина, принял план Сталина создать федерацию путем включения УССР, БССР и ЗСФСР в состав РСФСР на правах автономных республик. Коммунистические правительства Белоруссии и Грузии отвергли план „автономизации” Сталина, а ЦК и правительство Украины раскололись по этому вопросу. Ленин сразу почуял опасность, решительно отверг этот план и добился нового постановления ЦК о создании федерации равноправных и суверенных советских республик в виде СССР. Конечно, никаких суверенных республик не было, а сама федерация, как и сейчас, оставалась фикцией, но сохраняя форму, Ленин спасал содержание — коммунистический абсолютизм. В интересах этого же содержания Ленин включил в Конституцию 1924 г. (она была утверждена через десять дней после смерти Ленина, 31 января 1924 г.) и такое чисто фиктивное право, как право свободного выхода любой союзной республики из СССР. В Конституции 1936 г. и в нынешней Конституции это право повторяется. Однако ничто так не опасно в СССР, как одно лишь простое желание воспользоваться этим „конституционным правом”: все судебные процессы над пар-

тийными и советскими руководителями в союзных республиках в эру ежовщины инсценировались как раз по обвинению, что подсудимые готовили выход из СССР своих республик. Да что и говорить о сталинских временах. Как раз в наше время были судебные процессы над украинской группой Лукьяненко и над армянской группой Айрикяна за то, что они потребовали — в полном согласии с Конституцией 1936 г. (ст. 17), — чтобы Украине и Армении разрешили выйти из состава СССР. Их судили на законном основании, ибо вопреки всем трем советским конституциям, по ст. 58 ленинско-сталинского Уголовного кодекса и ст. 64 нового хрущевско-брежневского Уголовного кодекса РСФСР, посягательство „на территориальную неприкосновенность” СССР карается не только тюремным заключением, но и смертной казнью. Таким образом выяснилось, что советское уголовное право выше советского конституционного права.

Разумеется, Ленин и мысли не допускал, что он кому-нибудь разрешит выйти из СССР. Совсем наоборот, он собирался включить в СССР и другие народы мира. Поэтому в преамбуле Конституции 1924 г. Ленин записал, что „новое Союзное государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику” (История советской Конституции, стр. 460).

Так называемая „доктрина Брежнева”, согласно которой восточноевропейские страны Варшавского пакта пользуются лишь относительным суверенитетом, есть второй шаг на путях осуществления этого ленинского завета в масштабе коммунистической Европы.

Без шума и незаметно для внешнего мира руко-

водящие советские теоретики продолжают развивать дальше „доктрину Брежнева”, на этот раз уже во внутримперском аспекте. Через четыре дня после опубликования проекта новой Конституции, в далекой глуши, во Фрунзе (Киргизия), состоялась теоретическая конференция по национальному вопросу. Чтобы понять важность этой конференции, достаточно указать, что ею руководили и на ней делали доклады три члена ЦК КПСС — П.Н.Федосеев, Г.У.Усубалиев и Н.Н.Иноземцев. Впервые на данной конференции ЦК КПСС, устами названных его членов, распространил известный тезис из Программы партии 1961 г. — о „расцвете и сближении наций” для создания „единого народа” — и на народы восточноевропейских социалистических стран. Открывая конференцию, Федосеев заявил, что создание „советского народа” как социально-исторической общности не служит ограждению советского народа от других народов социалистических государств, „а наоборот, сближает нации и народности Советского Союза с зарубежными социалистическими народами...”. В этой связи надо указать на одно важное обстоятельство, которое завело в тупик авторов теории „советского народа”. Эта теория оказалась палкой о двух концах: с точки зрения внутривнутриполитических интересов, формула „советский народ” казалась эластичным прикрытием для ассимиляции и слияния нерусских народов с русским народом и, таким образом, для создания новой „социалистической нации” в СССР — в полном согласии с ленинской теорией о слиянии всех наций в новую единую нацию. Но, с другой стороны, такая теория явно противоречит внешнеполитическим задачам Советского Союза в социалистических странах Европы. Ведь ближайшая цель Кремля — это создание „новой

социально-исторической общности” со всеми народами СССР как преддверие к интернациональному коммунистическому человечеству. Поэтому, обращаясь к восточноевропейским народам, Федосеев говорит, что „советский народ” — это не новая нация, а „образец органического объединения людей разных наций” (газета „Советская Киргизия”, 8.6.77). Адресуясь к тем же восточноевропейским социалистическим странам, первый секретарь ЦК Киргизии Усубалиев добавляет: „Советский народ следует рассматривать как первую историческую форму из тех интернациональных объединений, которые неизбежно возникнут на пути поступательного движения народов к безнациональному человечеству” (там же, 9.6.77). Если „советский народ” — „первая историческая форма”, то какая же будет „вторая форма”? Ответ члена ЦК КПСС Усубалиева ясен и категоричен: „Сочетание национального и интернационального ныне происходит не только внутри СССР, но также и в рамках социалистического содружества... Постепенно складывается более широкая историческая общность — общность народов социалистического содружества” (там же).

Выступления Федосеева и Усубалиева — одновременно и комментарий и интерпретация ст. 30 Конституции 1977 г., которая гласит: „Советский Союз как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и международном социалистическом разделении труда”.

Таким образом, свое право создать из социалистических стран Восточной Европы „новую социа-

листическую общность”, постепенно сливая ее с „новой советской общностью”, Кремль закрепил в законодательном порядке.

3. Основы коммунистической государственной системы

В резолюции Апрельской конференции большевиков в 1917 г. Ленин категорически заявлял, что будущее советское государство явится „типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества”. В книге „Государство и революция” Ленин не только развивал идеи Маркса и Энгельса об отмирании государства, но и ругал тех социалистов, которые намеренно их игнорируют. Это Ленин считал лучшим доказательством измены социализму. Советский Союз выпускает ежегодно десятки тысяч книг, ежемесячно — сотни журналов, ежедневно — тысячи газет с бесконечными цитатами из Маркса, Энгельса и Ленина, но цитат об отмирании государства вы там никогда не встретите. Почему? Потому что появился новый классик марксизма, который данный вопрос поставил „диалектически” (самые невероятные метаморфозы и крутые зигзаги коммунисты обосновывают ссылкой на всеспасающую „диалектику”). Новый классик, т.е. Сталин, заявил на январском пленуме ЦК в 1933 г.: „Мы придем к отмиранию государства не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление” (Вопросы ленинизма, стр. 429).

Вот этой идеей Сталина и пронизана вся новая Конституция. Поэтому в преамбуле новой Конституции „диктатура пролетариата” не отмирает, она лишь переходит в форму „общенародного государ-

ства”, тем самым увековечивая само коммунистическое государство. Причем во главе этого „общенародного государства” ставится, тоже как вечная категория, „авангард народа” — коммунистическая партия. Советское „общенародное государство” существует лишь на бумаге, названной „новой Конституцией”. На деле существует та же самая старая коммунистическая диктатура с той лишь разницей, что она теперь впервые открыто объявлена и законодательно закреплена в той же Конституции. Это лучше всего и нагляднее всего продемонстрировали отцы новой Конституции в ее первой же главе. Там в ст. 2 мы читаем: „Вся власть в СССР принадлежит народу”. Значит „общенародное государство” и его верховный суверенитет определяет сам суверенный народ. Но через три статьи, а именно в ст. 6, начисто ликвидируется только что объявленный народный суверенитет, и мы узнаем имя верховного законодателя, правителя и судьи в одном лице: „Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является КПСС... КПСС определяет линию внутренней и внешней политики”. Иначе говоря, не высшие государственные органы, а высшие партийные органы определяют и направляют всю политику государства. В этой связи становится понятным, что создатели новой Конституции включили в нее и чисто партийный принцип управления — пресловутый „демократический централизм” (ст. 3).

Что же такое „демократический централизм”? Он был изобретен Лениным как компромисс между меньшевизмом и большевизмом на VI съезде партии (1906), и в дальнейшем Ленин им пользовался только как прикрытием диктатуры партаппарата.

Когда же в партии появилась оппозиция, требовавшая проведения этого принципа в жизнь (оппозиция демократических централистов), Ленин, который теперь не нуждался в каких-либо прикрытиях, отказался от него. Вот свидетельство протоколов IX съезда партии (1920 г.): „В первый день съезда т. Ленин говорил о демократическом централизме, объявил идиотами всех, кто говорит о демократическом централизме, и самый демократический централизм — допотопным и устарелым” (Девятый съезд РКП(б). Протоколы. 1960, стр. 124). Но такому „демократу”, как Сталин, „демократический централизм” приглянулся как надежное оружие прикрытия своего восхождения к единоличной тирании и поэтому он, вопреки Ленину, сохранил его в Уставе партии. Теперь ученики Сталина внесли „демократический централизм” и в Конституцию страны как еще новое свидетельство того, что так называемая советская демократия есть лишь внешняя форма советской тоталитарной партократии.

4. Ленин о федерации

Если верить новой Конституции, то в состав СССР входят 15 „суверенных” союзных государств, 20 „автономных” государств и 8 „автономных” областей. Значит — СССР федеративное государство, образованное, — как гласит ст. 69, — „в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик”. О том, как происходило самоопределение наций и как они потом „добровольно” объединились в одно союзное государство, хорошо известно из истории. Да, до прихода к власти большевики признавали право нерусских народов на са-

моопределение вплоть до отделения от России. Но когда этим правом, как раз после победы большевиков в центре, воспользовались в 1918 г. народы Украины, Белоруссии, Кавказа и Туркестана, объявив о своей независимости и выходе из России, то Ленин и его наркомнац Сталин открыто заявили, что под „правом самоопределения” большевики понимают „право трудящихся классов”, а не право национальной буржуазии и помещиков создавать независимые государства. Скоро на штыках экспедиционных корпусов Красной армии эти самоопределившиеся окраины вновь были присоединены к советской империи.

Если Польша, Финляндия, Молдавия, Балтийские страны остались вне империи Ленина, то только потому, что у Красной армии просто не хватило сил для их покорения. Ленину пришлось, скрепя сердце, признать их независимость до лучших времен, которые и наступили, как известно, при Сталине. Советские теоретики нигде так не преуспели в фальсификации учения Ленина, как по национальному вопросу. То, что для Ленина было лишь тактикой, они возводят в принцип, то, что для него было стратегией, они либо замалчивают, либо искусно маскируют, чтобы не пугать малые народы катастрофической перспективой их будущего.

В чем же катастрофичность перспективы? Сущность ленинизма в национальном вопросе хорошо поясняет ее: по Ленину, СССР должен последовательно и неуклонно следовать курсу *слияния* наций через *ассимиляцию*, через поглощение малых народов большим, через превращение языка большого народа в родной язык всех народов. Это и есть курс на русификацию нерусских народов СССР, одинаково враждебный не только малым народам, но и са-

тому русскому народу, который хотят превратить в некий этнический гибрид, чтобы лишить русских их исторической русскости и историко-культурной идентичности. Это и есть курс на дерусификацию самих русских.

В полном согласии с учением коммунизма Ленин объявлял такой процесс ассимиляции величайшим прогрессом. Когда ему указывали на бесчеловечность его теории ассимиляции именно в таком многонациональном государстве, как Россия, он невозмутимо отвечал, что „против ассимиляторства могут кричать только еврейские реакционные мещане, желающие повернуть назад колесо истории” (Ленин, ПСС, т. 24, стр. 126). Он был решительным врагом и федеративного государства. Во всех своих писаниях до 1917 г. он категорически „отводит” федерацию, как противопоказанную социализму. Вот его высказывания: „Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации” (там же, стр. 140). Или — в другом месте: „Нетрудно видеть, почему под правом самоопределения наций нельзя понимать ни федерацию, ни автономию... Право на федерацию есть вообще бессмыслица... Вставить в свою программу защиту федерализма марксисты никак не могут; об этом нечего и говорить” (там же, стр. 218).

И вот ровно через три года после такого категорического отказа от принципов федерализма для будущего коммунистического государства, 25-26 октября 1917 года Ленин торжественно провозглашает создание Российской Советской *Федеративной* Социалистической Республики (РСФСР). В чем дело, что произошло, почему Ленин изменил самому себе? Ленин изменил своим словам, чтобы тем вернее

служить своему делу. Идя к власти, он увидел, что нет иного пути создания и сохранения новой советской империи, как придать ей форму федерации. К тому же Ленин хорошо знал, что он делал — государство будет федеративным по форме, но абсолютистским и централистским по содержанию. Гарантия тому — единая Российская партия большевиков с абсолютистским централизмом, которая и будет управлять советским государством. Поэтому для структуры самой большевистской партии Ленин никогда, ни до революции, ни после нее, не признавал федеративный принцип правления. Но самой внешней форме советской государственной федерации Ленин придавал какое-то исключительное значение.

Когда Сталин, пользуясь болезнью Ленина, в 1922 году провел через ЦК упомянутый план по включению УССР, БССР и ЗСФСР на началах автономии в состав РСФСР, Ленин решительно восстал. Когда же Ленин узнал, что против плана Сталина выступают даже коммунистические партии этих республик (Грузии, Белоруссии и частично Украины), он усмотрел в поступке Сталина и ЦК опасность раскола советской империи именно по национальному вопросу. Ленин предложил вместо плана Сталина „об автономизации” свой собственный план новой федерации — создание СССР. Сталин настолько был уверен в необходимости поглощения УССР, БССР и ЗСФСР Российской федерацией и настолько чувствовал себя безнаказанным в обращении с больным Лениным, что обвинил Ленина в „национал-либерализме”, дающем „горючее защитникам независимости”. Однако, гибкий тактик, Ленин знал, что он делает. 8 октября 1922 г. он пишет в Политбюро следующую записку: „Великодержавному шовинизму объявляю войну не на жизнь, а на смерть. Надо

абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИК председательствовал по очереди русский, украинец, грузин и т.д. *Абсолютно!*” (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 214).

Такая практика поочередного „президентства” глав советских союзных республик продолжалась до сталинской Конституции 1936 г. Сталин отменил эту практику, назначив Калинина постоянным председателем Президиума Верховного Совета СССР. Брежнев пошел еще дальше, назначив на этот пост самого себя.

Как Ленин проиграл свою войну против „великодержавного шовинизма” „не на жизнь, а на смерть”, и проиграл „абсолютно”, показывает даже сам „фасад” „советской федерации” сегодня:

председатель Президиума Верховного Совета СССР — *русский*;

первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР — *русский*;

председатель Совета Министров СССР — *русский*;

все министры в Москве — *русские*;

генеральный секретарь ЦК КПСС — *русский*;

все секретари ЦК КПСС — *русские*.

Конечно, вполне нормально, что в русском государстве управляют сами русские, но зачем лицемерить насчет „федерации”? Впрочем, давно известно, что лицемерие есть дань, которую порок вынужден платить добродетели.

5. Гражданские права и свободы по-советски

Как это ни покажется странным, но несомненный факт: пером авторов новой советской Конституции водила незримая воля американского президента Картера. Если бы не его стратегия борьбы за гражданские права в СССР, если бы не его мужественный

ответ академику Сахарову, если бы не его демонстративный прием в Белом Доме Владимира Буковского — владыки Кремля в лучшем случае ограничились бы, как и в других частях новой Конституции, переписыванием статей о гражданских правах и свободах из сталинской Конституции, а в худшем — просто обошли бы их молчанием. Но Кремль решил удивить и Картера, и весь мир: Сталин в своей Конституции давал советским гражданам всего лишь „десять прав и свобод”, а вот Брежнев их увеличил в два раза — они имеют теперь целых двадцать! Пусть видит мир, что Картер ломится в открытую дверь. Но о правах и свободах человека в той или иной стране судят не столько по Конституции, сколько по конституционной действительности. Дело даже не в том, что свои „права и свободы” советская Конституция сопровождает оговорками, которые сводят их на нет (ст. 39: „использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства”; „в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий...”). Ведь демократическое движение диссидентов и возникло на основе советской Конституции и под лозунгом „Соблюдайте собственную Конституцию!”. Оно требовало, как и требует нынешнее движение за права человека, соблюдения советской Конституции в целях укрепления того же самого „социалистического строя”. Оно само соблюдало не только основной закон, но и его оговорки, т.е. оно было политически лояльным, а юридически вполне легальным движением. Чем же все это кончилось?

Кончилось тем, что большинство его участников оказалось в тюрьмах, лагерях, сумасшедших домах или изгнанными из собственной страны. Дело, зна-

чит, в другом, а именно: 1) есть ли в Конституции материально-правовые гарантии соблюдения правительством и его карательно-административными органами конституционных прав и свобод советского человека; 2) есть ли в Конституции Верховный конституционный суд для установления конституционности действий советского правительства и законодательной практики Верховного Совета? Ни того, ни другого в новой Конституции нет, как их не было в старых конституциях.

Величайший гуманистический вклад Запада в теорию и практику управления человека человеком в том и заключается, что западные конституции исходят из постулата: примат права над государством, тогда как советская Конституция исходит из противоположного принципа: примат государства над правом. Отсюда в западных конституциях „государство для человека”, а в советской Конституции — „человек для государства”. Поэтому-то в западных конституциях для гарантирования гражданских прав и свобод существует независимый от правительства и парламента Верховный суд, наблюдающий за соблюдением Конституции и конституционных прав правительством и парламентом. А советская теория и практика („государство — все, человек — ничто”) как раз и роднит советское государство с фашистским государством в противоположность западным правовым государствам.

Знаменитой формуле Линкольна — „правительство народа, для народа, через народ” — Муссолини противопоставил в своей работе „Доктрина фашизма” впервые сформулированную им теорию тоталитарного государства в следующих словах: „Все — в государстве, ничто человеческое и духовное не существует вне государства... В этом смысле государ-

ство тоталитарно... Вне государства нет ни индивидов, ни групп. Фашизм хочет изменить не формы человеческой жизни, а ее содержание, человека, его характер, верования” (Итальянская энциклопедия, т. 14). Чем же эта доктрина фашизма Муссолини отличалась от доктрины большевизма Ленина? Не забудьте, что и Ленин и Муссолини числились левыми в социалистических партиях своих стран, находились вместе в одном и том же Интернационале и вышли оттуда тоже почти одновременно, чтобы бороться за свою тоталитарную идеологию. Разумеется, Ленин пошел дальше Муссолини. Муссолини действовал в католической стране с сильным влиянием Церкви и при номинально все еще существующей монархии, в условиях сохранения частной собственности, при наличии неуничтоженных культурных слоев, тогда как Ленин начисто уничтожил всю старую политическую, культурную и экономическую Россию и на этой основе начал создавать свое собственное государство. Это государство, будучи тоталитарным куда больше, чем государство Муссолини или даже Гитлера, не было обычным государством. Оно, по выражению Ленина и новой Конституции, было „государством нового типа”. В чем заключалась сущность этой „новизны”? В том, что оно лишь псевдоним существующего реального государства — партии. Поэтому-то и источник власти этого „нового типа государства” лежит не в народе и избранных им представителях („демократия”), а в одной части народа: именно в воле одной партии („партократия”).

Партия, составляющая только 6% всего населения, или около 9% взрослого населения, законодательствует, управляет и распределяет социальную продукцию страны; она управляет не только

политикой, экономикой и культурой, но и мыслями, вкусами, чувствами и воображением людей. Для этой партии писаная Конституция государства не закон, а форма легализации своей диктатуры и пропагандный инструмент по осуществлению своей собственной воли.

б. Антиконституция „зрелого социализма”

Бесхозяйственность и коррупция всегда были элементами социалистической системы, но сегодня они уже не элементы ее, а основы. Уже на XI съезде партии Ленин говорил: „Мы хозяйничать не умеем”. Все это, думал он, легко может привести к полному перерождению „идеально” задуманной системы и ее носителей. Через самое короткое время Сталин подтвердил пророчество своего учителя: большевизм превратился, по выражению Муссолини, в „славянский тип фашизма”, а советская экономика в целом — в военно-полицейскую крепостническую систему города и деревни. В ее основе лежал всеобщий принудительный труд, гарантированный драконовскими „трудовыми законами” 1935 г. („Устав с/х артели”) и 1940 г. (законы о прикреплении рабочих, инженеров и служащих к производству и об уголовном наказании за опоздания на работу). Существующие законы против „расхищения социалистической собственности” стали дополнять новыми законами о „саботаже”, „вредительстве”, „экономической контрреволюции”. Таким образом появилась высшая система принудительного труда — рабский труд миллионов заключенных. Сталин доказал Ленину, что коммунисты умеют хозяйничать, но хозяйничать как рабовладельцы. Со смертью Сталина эта рабовладельческая

система претерпела определенный кризис: исчез рабский труд миллионов, как исчезли и сталинские законы о принудительном труде. Все последующие попытки Хрущева их реставрировать в виде различных указов о „тунеядцах” не имели того эффекта, какой имели законы Сталина. Хозяйственная система, обязанная всеми своими успехами принудительному труду, начала деградировать. Хрущев решил, что он нашел причину деградации: началась эра бесконечных реорганизаций, децентрализаций, рецентрализаций. „Волонтаризм” и „субъективизм” Хрущева только усугубили общий кризис. Хрущева убрали, но не убрали причины кризиса — принудительное хозяйничанье. Поэтому все эти новые потуги — „реформы Косыгина” и аграрная политика” Брежнева — оказались мерами паллиативными.

Теперь в новую Конституцию включили целую главу „экономическая система” (гл. 11, ст. 9-18), от которой авторы Конституции ожидают чуда. Однако там есть только одна статья, которая может оказаться чудотворной, если от нее потом не откажутся. Это статья 17: „В СССР в соответствии с законом допускается индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды трудовой деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семьи”. Данная статья Конституции есть просто легализация существующего положения, когда мизерные приусадебные участки колхозников кормят миллионы людей в городах, многотысячная армия „шабашников” освобождает коммунхозы от непосильной для них задачи обеспечивать текущий ремонт квартир миллионов семей, а подпольные „семейные артели” обувщиков и портных обувают и

одевают людей по последнему слову моды. Так в СССР вырос совершенно новый социальный класс, который может быть назван „классом свободных трудящихся” в отличие от государственных трудящихся. Если авторы новой Конституции всерьез решили легализовать этот класс, то, с хозяйственной точки зрения, они поступили весьма разумно, с точки же зрения политической — весьма рискованно.

Ленинский нэп дискредитировал социалистическую систему хозяйствования, поэтому Сталин его ликвидировал. Легализация „класса свободных трудящихся” может явиться самой яркой иллюстрацией порочности всей системы так называемого зрелого социализма. Отсюда опасность его ликвидации. Во всем остальном глава „Экономическая система” узаконивает существующий „азиатский способ производства” с произволом Госплана, всесилием министерской бюрократии и уровнем жизни развивающихся стран.

В заключительном слове на 10-й Всероссийской партийной конференции в 1921 г. Ленин выдвинул тезис: „Судьба коммунистического режима в России будет решена в конечном счете на хозяйственном поприще. Если коммунистической России удастся доказать на деле превосходство коммунистической хозяйственной системы над системой капиталистической, то тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно” (Ленин, ПСС, т. 43, стр. 341). К 60-летию СССР история дала исчерпывающий ответ на поставленный Лениным вопрос: как раз на хозяйственном поприще коммунизм обанкротился нагляднее всего.

Беспощадно сожрав отцов и детей своей революции, начисто исчерпав былой динамизм своей молодости, воочию продемонстрировав перед всем ми-

ром антиэкономичность своей экономической модели, — советский коммунизм стал таким пугалом, от которого вынуждены отмежевываться даже его вчерашние энтузиасты на Западе — западноевропейские коммунистические партии („еврокоммунизм“). Все это, однако, мало трогает господ из Кремля. Они живут сегодняшним днем и действуют по принципу — „после нас — хоть потоп!“. Они задним числом присваивают себе звания героев войны и маршалов Советского Союза, коллекционируют самые дорогие заграничные автомобили не только для себя, но и для своих детей, сооружают на народные деньги дачи-крепости на берегах Балтики, Крыма и Кавказа, бесплатно получают отборные заграничные и отечественные товары и продукты из спецраспределителей, готовят своих детей достойно „принять эстафету отцов“. Республиканские, областные и районные вожди стараются подражать стилю и образу жизни московских „руководящих товарищей“. Остальной бюрократии живется не так вольготно, но у нее также есть свой жизненный принцип: „Если меня не компенсируют, то я самокомпенсируюсь!“. Результат — небывалый и невозможный при каком-либо ином режиме рост повсеместной коррупции, продажности, взяточничества. А народ? Никого не должно удивлять, что при таких вождях и при такой системе многие из низов народа тоже живут поленински: „Грабь награбленное!“. Отсюда — эпидемия „расхищения социалистической собственности“.

В пролетарском трудовом государстве честный труд становится самым презренным делом. Опоздание и неявки на работу, „летунство“, „итальянские забастовки“, „приписки“, „очковтирательство“ стали массовым явлением. Им сопутствует небывалый рост пьянства без различия пола и возрас-

та. Государство намеренно превращает водку в „опиум для народа”. Число вытрезвителей растет быстрее числа детских яслей. Черствость души, озверелость нравов и поразительная распространенность сквернословия стали „моральным кодексом” так называемого советского образа жизни. Вот та общая почва, на которой растут хулиганство, дебоширство, вооруженные грабежи, убийства. Их масштаб, вероятно, так велик, что советское правительство боится предать гласности статистику уголовных преступлений в стране*.

В стране сплошной грамотности, где одних ученых — около миллиона, специалистов — до 25 миллионов, мыслить иначе, чем мыслят бездари из ЦК и башибузуки из КГБ, считается тягчайшим государственным преступлением. Как долго все это может продолжаться? Мы этого не знаем. Зато мы видим и знаем другое. Руководители Кремля бездумно толкают страну и свой режим к той зловещей черте, за которой начинается катастрофа. Вместо того, чтобы предупредить это радикальными реформами, они преподнесли стране Антиконституцию. По-своему они правы, ибо догадываются, что логический конец любых реформ — потеря монополии власти. Они скорее загубят страну, чем отдадут власть.

Власть — всевозвышающая, комфортабельная, величественная — и есть тот единственный бог, которому они молятся и которым они вдохновляются. Однако, упиваясь оргией этой власти, ослепленные ее блеском, глухие к страданиям народа и нуждам страны, — партийно-полицеские самодержцы тем вернее провоцируют будущую катастрофу.

* См.: Валерий Чалидзе. Уголовная Россия. Нью-Йорк, „Хроника-Пресс”, 1977.